

БИБЛИОТЕКА
ШКОЛЬНИКА

Орлов

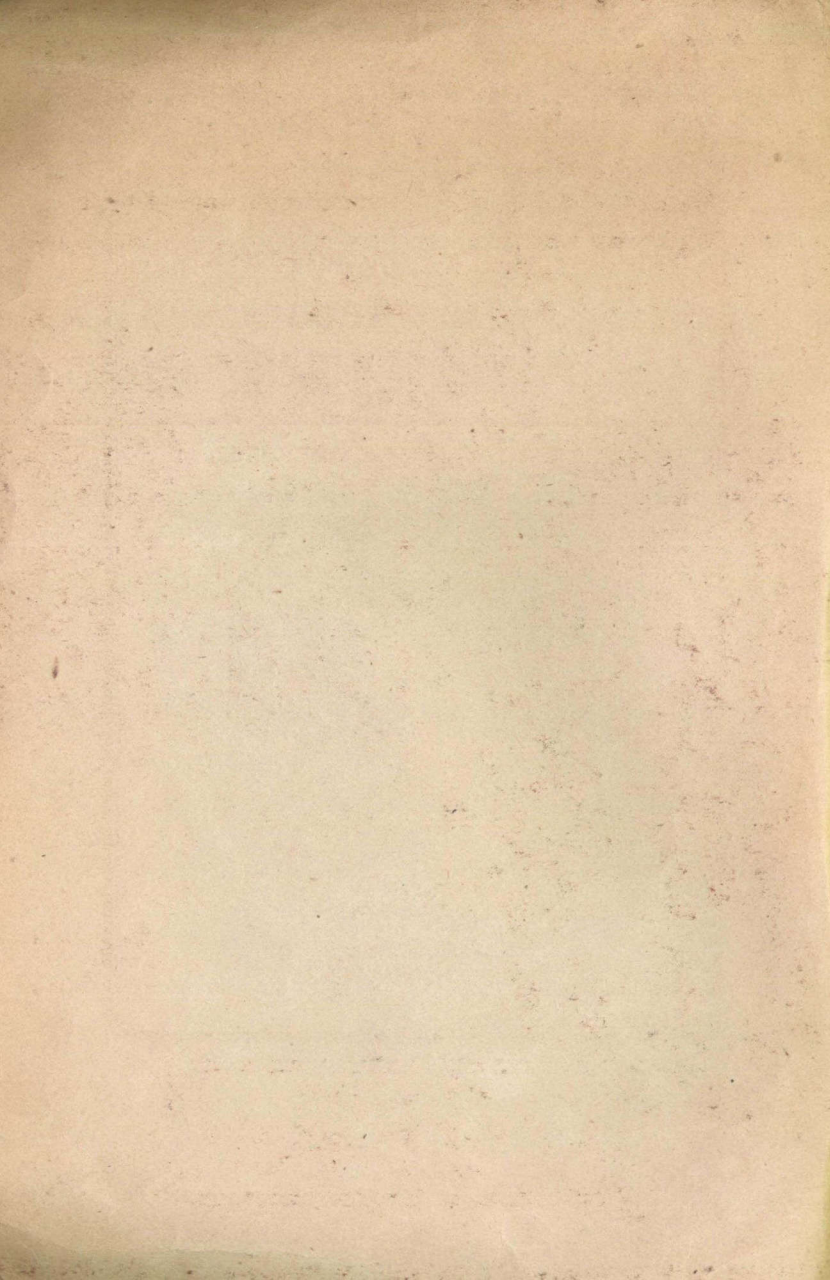
П. ДУДОРОВ

РЯБЧИК

РАССКАЗ ИЗ ЖИЗНИ УГЛЕКОПОВ

ИЗДАНИЕ
Г. Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА 1924.

Орловец. П.

19

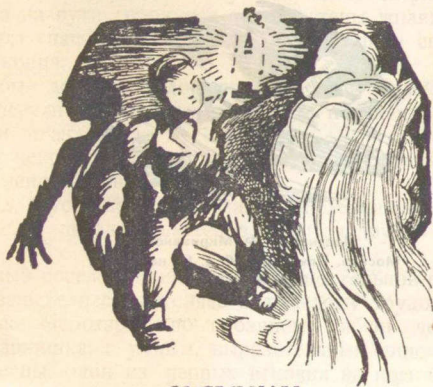
0-665

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

П. ДУДОРОВ

РЯБЧИК

РАССКАЗ ИЗ ЖИЗНИ УГЛЕКОПОВ

**РИСУНКИ
КОСМИНА**

**ИЗДАНИЕ
Г. Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА 1924**

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

ПЕДУКОР

БРЕНК

ВАСКАД ПУЖИНА АЛЕКСОН

Издание Г. Ф. Мириманова.
Москва, Плющиха, № д. 11 кв. № 17.
Тел. № 1-16-26.

БИБЛИОТЕКА
ШКОЛЬНИКА

ИЗДАНИЕ
Г. Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА

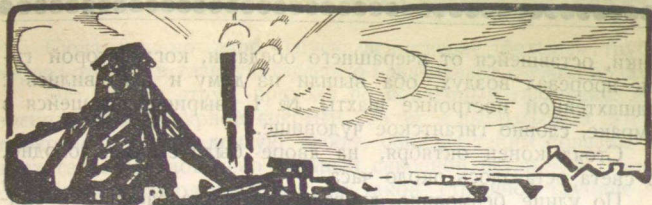
Главлит № 16621. (Москва).

Тираж 10000 экз.

Типо-лит. „Пролетарий у Руля“, Москва, Кр. пл. 6. Ср. Торг. Ряды, д. № 1.

Получена библиотека
доля дет. вой книги
издательства
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

624861
198429

РЯБЧИК

(Рассказ из жизни углекопов).

I.

Было еще темно, когда долгий, уныло-однообразный гу-док прорезал сонный воздух и, словно гвоздем, засел в нем.

Резкий, непрерывный звук его точно сверлил все падающее на пути, проникал сквозь стены жилищ, забирался под одеяла спящих, вливался в сонные уши и сверлил, сверлил без конца.

Он был до того надоедлив, что люди волей-неволей начинали шевелиться, сбрасывали одеяла и вскакивали на ноги, ругаясь и почесываясь.

Так неприятно было переходить от крепкого, сна к тяжелой действительности.

Когда, спустя несколько минут, последний звук оборвался в воздухе, в поселке шахтеров один за другим загорелись огни.

Черный поселок, покрытый каменноугольной пылью, вдруг ожил и зашевелился, готовясь к тяжелому трудовому дню.

Сенька Чеботарев, по прозвищу Рябчик, четырнадцатилетний парнишка, с умным, выразительным лицом, покрытым следами оспы, один из первых вскочил на ноги и, позевывая, стал одеваться.

Умывшись, он поставил на керосинку жестяной чайник и разбудил отца.

Забойщик Иван Чеботарев сначала долго мычал, отмахивался спростонья рукой, но Рябчик теребил его так настойчиво, что победил, наконец, его сонливость и заставил подняться на ноги.

Он долго фыркал, плеская водой в лицо и поливая голову, не спеша вытерся, облекся в черный от каменноугольной пыли шахтерский костюм и сел к столу пить чай.

Иван Чеботарев был вдовец и жил с единственным сыном, Сенькой, с которым и работал в одной шахте.

За чаем перекинулись парой-другой слов, потом каждый сунул в карман по ломтю черного хлеба и куску вареной пе-

ченки, оставшейся от вчерашнего обеда, и, когда второй гудок прорезал воздух, оба вышли из дому и направились к надшахтенной постройке шахты № 1, вырисовывавшейся в сумраке, словно гигантское чудовище.

Стоял конец октября, на дворе было сыро и холодно, до света оставалось около часа.

По улице безмолвно двигались к шахте рабочие, в одиночку, парами и небольшими группами, с кирками, лопатами и ломami на плечах.

II.

Перед спуском, Иван и Рябчик получили уже зажженные предохранительные лампочки, системы Вольфа, и вместе с партией очередных подошли к шахте.

Это был огромный колодец, глубиною в сто сажений и шириною в семь аршин, укрепленный крепкими срубами, в котором сверху вниз и обратно быстро двигались две клетки подъемной машины, подымая и опуская людей и вагонетки с каменным углем.

Подъемная машина как бы соединяла два совершенно различных мира, один надземный, живой и солнечный, другой—подземный, погруженный в вечный мрак, полный тьмы и молчания.

— Входи!

Дверь клетки подъемной машины отворилась, и в нее вошло двадцать очередных.

Снова лязгнула захлопнутая дверца, брякнул звонок, и, повинуясь руке опытного машиниста, невидимого в своем машинном отделении, клеть с быстротой пассажирского поезда полетела в пропасть.

Рябчик был не новичком и давно уже привык к подъемной машине.

Он уже не испытывал, как в первое время, головокружения и чувства тошноты при спуске.

При тусклом свете лампочек быстро мелькали стены шахты, дворы верхних ярусов.

В этой шахте было три яруса. Два верхних, в которых каменноугольный пласт был уже выработан,—были заброшены, и теперь работы производились лишь в самом нижнем, на глубине ста сажень от поверхности земли.

Но вот машина замедлила ход и мягко остановилась.

Когда Рябчик с отцом выскочили из клетки в так называемый двор, их обдало настоящим проливным дождем.

Это падала со ствола шахты вода, просачивавшаяся сквозь срубы. Она падала на дно шахты, откуда ее все время выкачивали на поверхность земли особыми насосами.

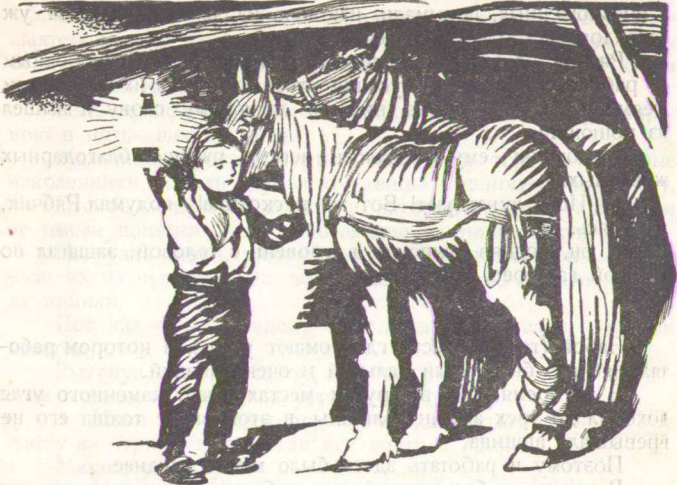
Сюда же, во двор, спускалась сверху большая труба, через которую в главную галерею накачивался свежий воздух.

Эта свежая струя, проходя по подземным галереям, вытесняла из них дурной, спертый воздух и выбрасывала его на поверхность через другую шахту, образуя таким образом во всех галереях довольно сильный сквозной ветер.

Только благодаря этому, на такой страшной глубине не была чувствительна жара и духота.

Нижний „двор“ представлял (из себя) собою большую пещеру, от которой начиналась главная продольная галерея.

Тот двор представлял собою большую пещеру, от которой начиналась главная продольная галерея.

Рябчик вошел в конюшню.

От главной продольной — в стороны вели боковые галереи, выходявшие в параллельные продольные и так далее, образуя под землей целую сеть подземных улиц и переулков.

Стены и потолки всех галерей были укреплены брусками, а по главным продольным — проведены были рельсы.

По ним то и дело во двор катились вагонетки, наполненные углем.

Тут их вкатывали в клеть, подымали на поверхность и потом на самый верх подшахтенной постройки, откуда сбрасывали в завалы, то-есть, огромные кучи, где девочки и мальчишки очищали уголь от камней и кусков земли.

Отряхнувшись от воды, Рябчик не пошел за отцом.

Каждый раз, как он спускался в шахту, он прежде всего заходил в подземную конюшню, вход в которую был устроен прямо из двора.

Тут, в этой конюшне, скудно освещаемой несколькими лампочками, стояло десятка два лошадей, подвозивших к подъемной машине вагонетки с углем.

Рябчик любил и жалел этих животных, которым уже не суждено было увидеть солнечного света.

Их спускали сюда навсегда, и они работали под землей до тех пор, пока не приходили в окончательную негодность.

От работы в вечной темноте, бедные животные обыкновенно скоро слепли и когда их, искалеченных, обессиленных и обезноженных, подымали, наконец, из шахты, их глаза уже не радовались блеску солнечных лучей.

Рябчик вошел в конюшню, роздал нескольким свободным от работы лошадям по кусочку хлеба, потрепал их по мокрым шеям, сказал каждой из них по ласковому слову и вышел из конюшни.

В догонку ему раздалось легкое ржание благодарных животных.

— Ишь, чувствуют! Вот же и скотина!—подумал Рябчик, улыбаясь.

И он, подняв лампочку в уровень с головой, зашагал по главной галлерее.

III.

Забой (то-есть, место где ломают уголь), в котором работал Рябчик, был самый дальний и очень низкий.

В то время, как в других местах пласт каменного угля доходил до трех аршин толщины, в этом забое толща его не превышала аршина.

Поэтому и работать здесь было много труднее.

В низком забое приходилось работать, лежа на спине или на боку, черная пыль падала на лицо и залепляла глаза.

Когда шахтеры—забойщики наламывали достаточное количество угля, саночники нагружали его на санки, и впрягаясь в них, вытягивали на четвереньках в более высокую галлерею, там перекладывали на тачки и катили дальше, до галлерей, по которой уже шли рельсы.

Тут уголь перегружался на вагонетки и на лошадях подавался дальше.

Чем ближе подходил Рябчик к своему забою, тем сильнее чувствовалась жара и духота. Здесь, в дальнем забое, вентиляция почти не действовала, и температура была так высока, что шахтеры работали, сняв рубахи.

Каменноугольная пыль покрывала сплошным налетом тело и лица, делая их похожими на негров.

Не доходя забоя, Рябчик встретил Мишку Глазова. Оба они работали в качестве саночников в этом забое и дружили, как под землей, так и на поверхности земли.

Мишка был крепкий пятнадцатилетний мальчик, на вид угрюмый, но на самом деле добродушный, очень смешливый и решительный в трудных обстоятельствах жизни.

Мишка трудно сходилась с товарищами, но когда сходил-ся, то привязывался к человеку всей душой.

Мальчики поздоровались и пошли к забою.

Сначала шли не сгибаясь, потом согнувшись и, наконец, полезли на четвереньках.

В мрачном низком забое уже кипела работа.

Сбросив куртки, Иван Чеботарев и четверо товарищей-шахтеров, лежа скорчившись на спинах и боках, молча колотили кирками по каменноугольному пласту, отбивая куски черного минерала.

Пять лампочек тускло освещали низкую пещеру, шири-ною в пять—шесть сажен.

Мальчики сбросили куртки, подвязали толстые кожаные наколенники, надели грубые рукавицы и принялись за работу.

Это был тяжелый, поистине каторжный труд, о котором не имели понятия люди, работающие на поверхности земли!

Нагрузив санки, мальчики впрягались в лямки и вытаски-вали их на четвереньках, возвращались, снова грузили и сно-ва тащили.

Пот лил с них градом, тела сразу покрывались черным налетом.

Вытянув десяток санок, они выбрались из забоя и при-сели отдохнуть, разминая усталые члены.

— Мочи нет! — проговорил Рябчик, растягиваясь во всю длину на черном полу. — Так все кости и ломают.

Мишка усмехнулся:

— Мочи нет? А ты бы до революции поработал! — отве-тил он. — Теперь мы, вон, восемь часов работаем, а тогда де-сять, а то и больше. А чуть что — по морде! Отец то мне рассказывал.

Это был тяжелый, каторжный труд.

В его полудетском голосе зазвучали злобные нотки.
— Били штейгеры, били смотрители! Чуть не так—штраф, да в зубы! А то и с работы долой. Получай расчет, и ступай по миру!

— Что и говорить!—вздыхнул Рябчик.—А Николая Чурилина помнишь?

— По миру со всей семьей пошел!

История с шахтером Николаем Чурилиным была памятна всем.

Собственно говоря, это была одна из многих самых обыкновенных историй дореволюционного времени, когда каждый рабочий был рабом предпринимателя-хозяина, когда бесправный забитый человек не знал, где искать защиты, не смел пикнуть, из боязни потерять с таким трудом зарабатываемый кусок хлеба.

Николай Чурилин работал в забое, когда случился обвал. Ему раздробило обе ноги, и он на всю жизнь остался калекой.

Подавал в суд.

Но хозяин выставил адвоката. Собственно говоря, в обвале был виноват инженер, но адвокат доказал, что виноват Чурилин, не так будто бы подкалывавший глыбу, а барский суд согласился с ним и отказал Чурилину в иске.

Чурилин перенес дело в окружной суд. Там снова ничего не вышло. Надо было переносить в сенат.

А время шло. Последние пожитки пошли к старьевщикам, наступили дни ужасного голода.

Вот тут-то хозяйский адвокат и предложил:

— Хочешь—триста рублей отступного? Все равно, ничего не добьешься. А триста рублей—деньги! Когда еще сенат рассматривает дело, а до тех пор с голоду сдохнешь.

Махнул рукой Чурилин и подписал бумажку, что, дескать, все сполна за увечье получил и хозяином премного доволен.

Проела семья деньги, и пошла по миру.

Вот про этот случай и вспомнил Рябчик.

— Кабы не социальное обеспечение, так и по сию пору собирали бы куски,—сказал Мишка.

И они стали вспоминать былые времена.

Рябчик припомнил, как однажды в ноябре 1917 года, когда он еще не работал под землей, отец вернулся домой радостный и возбужденный.

— Кончилась наша беда, мы победили! Народ взял в свои руки власть!—сказал он.

В этот вечер он рассказывал сыну о новой революции, о полной победе рабочего класса над буржуазией, о надеждах на будущее.

Рябчик тогда мало что понял.

На следующие дни шахтеры не спускались в подземный мир.

По улицам города и поселков ходили толпы шахтеров с красными знаменами, пели странные песни, каких раньше Рябчик не слышал. У всех вид был праздничный, радостный, люди обнимались, поздравляли друг друга.

Хозяева шахт сбежали. Сбежали и некоторые инженеры, штейгеры и вообще так называемые „господа“; говорили про то, что шахты переходили в руки рабочих, образовались какие то „советы“.

Слово — „свобода“ звучало всюду.

Рябчик хотя и не понимал хорошенько — что такое произошло, но чувствовал, что случилось нечто хорошее. Вид у отца и других шахтеров стал гордый, независимый, словно они стали другими людьми.

И самая жизнь потекла по-новому.

Потом приходили деникинцы, — „белые“.

Весь Донецкий бассейн был повержен в ужас, многие шахтеры скрылись неизвестно куда.

Иван Чеботарев тоже скрылся, оставив сына на попечение вдовы Васильевны.

Впоследствии Рябчик узнал, что отец сражался вместе с рабочей дивизией против деникинцев, пока последние не принуждены были отступить и скрыться за границу.

Вспоминая прошлое, Рябчик и Мишка, перебивали друг друга, спорили, горячились.

Крик из забоя заставил их прекратить спор.

— Эй вы, черти! Провалились, что ли?!

Мальчики, пересмеиваясь и подталкивая друг друга вскочили на ноги и бросились к забою.

IV.

Прошло недели две.

Низкий забой был выработан, и Ивана Чеботарева с товарищами перевели в другой, более легкий, толщина угольного пласта в котором доходила до двух с половиной аршин.

Сюда же перешли и Рябчик с Мишкой в качестве откатчиков.

Тут работа была много легче. Забой был высокий, просторный, и уголь ломался посредством шнура.

Время от времени в забой приходил штейгер со шнуром. Шнуром называлось особое сверло, посредством которого штейгер просверливал в каменноугольном пласту канал.

Первый раз Рябчик чуть было не попал в беду.

Его заинтересовала работа штейгера, и он с любопытством смотрел, как штейгер, просверлив канал, вложил в него взрывчатый заряд с проведенным к нему бикфордовым шнуром.

Из забоя!—крикнул штейгер, зажигая шнур, и бросился в галерею.

Опытные шахтеры, бросив инструмент, кинулись за ним. Но на Рябчика словно что-то нашло.

Сделав несколько десятков шагов, он вдруг остановился и замер на месте, глядя на забой, где тлел зажженный шнур.

Никто не обратил на него внимания.

И вдруг что-то гукнуло, треснуло, черная стена в забое с грохотом рухнула, и Рябчик кубарем покатился по галерее, отброшенный силой взрыва.

— О, чтоб тебе!—выругался он, вскочив на ноги и ошупывая бока.

Из ссадин на лице и руках текла кровь.

Вернувшиеся в забой отец и его товарищи только головами покачали, увидев его.

— Ну, паренек, счастливо отделался!—проговорил Иван. Мишка сбегал за водой, омыл товарищу ссадины и кое-как перевязал.

Нежничать не приходилось. Рябчик побряхтел и принялся за работу.

Взрывом оторвало огромную глыбу каменного угля, и шахтеры стали дробить ее кирками.

После этого явились плотники и подперли брусьями потолок в том месте, где благодаря взрыву образовалась пустота, чтобы не допустить обвала земли.

Мишка долго подсмеивался над Рябчиком.

— Ты бы носом к фитилю приткнулся!

— Дьявол!—огрызался Рябчик.—И так всю морду расцветило, а ты еще зубы скалишь!

Но одна беда часто влечет за собой другую.

Не успели шахтеры проработать в забое и трех часов, как внимание Ивана было привлечено странной переменной в лампах.

Огненные языки в горящих лампах обыкновенно бывали не длиннее сантиметра.

Но теперь они удлиннились, доходя почти до сетки и даже самый цвет огня изменился.

— Не ладно, братцы! Никак—гремучка!—тревожно проговорил Иван, первый заметивший опасность.

— Гремучка, гремучка!—раздалось по всему забою.—Назад!

И все шахтеры, захватив инструмент, быстро покинули опасный забой.

Из какой-то невидимой щели, образовавшейся после взрыва, вырывался страшный гремучий газ, гроза всех шахт.

Достаточно чиркнуть спичку в том месте, где скопится много этого газа, чтобы произошел страшный взрыв.

И не раз случалось, что при таких взрывах гибли десятки шахтеров, засыпанные обвалившейся землей.

Весть о присутствии газа в забое мигом облетела штрейхи (продольные галереи) и достигла поверхности земли.

Не прошло и часа, как в опасный забой была направлена сильная струя воздуха, образовавшая сквозняк, и работа возобновилась.

Но все же, когда уголь в этом месте был выбран, шахтеры вздохнули облегченно, перейдя в новый забой.

Гремучка!.. Гремучка!..

V.

В один из воскресных дней Мишка зашел к Рябчику.

К Ивану тоже зашел товарищ, забойщик Чингарев, и все четверо приятно коротали время за самоварчиком, поставленным ради такого дня хозяйкой Чеботарева.

Говорили о шахтах, о заработках, о газетных новостях.

Но скоро разговор перешел на другую тему.

Чингарев, подобно многим шахтерам, страшно суеверный, не верующий ни в бога, ни в чорта, но упрямо веривший в привидения и приметы, принес страшную новость.

— Ходит,—таинственно рассказывал он.—Митрий Суравцов своими ушами слышал в третьей боковой галлерее четвертого штрейха ее стоны.

Он говорил о „белой женщине“, страшном призраке, живущем в шахтах, встреча с которым предвещает гибель тому, кто его увидит.

Легенду о „белой женщине“ знали почти все шахтеры.

Конечно, многие нисколько не верили этой нелепой выдумке, но было не мало и таких, которые серьезно верили в чудесный призрак.

— А откуда она взялась? — спросил Рябчик, который только медком слышал про эту легенду.

Чингарев многозначительно поднял палец.

— Она то? — заговорил он таинственно. — Чудно! Аль не слышал?

Он слегка помолчал и продолжал:

— Давно это было, паренек! Еще при наших прадедах, а то и раньше. Жил в ту пору в Юзовке штейгер, по прозвищу Калина. А у того Калины была красавица жена. Не знаю: что и как там у них произошло, но только стали люди замечать, что Калина с каждым днем становится мрачнее, а потом вдруг стало известным, что жена Калины исчезла. Пропала — словно сквозь землю провалилась.

Сам Калина будто искал ее первое время, а потом бросил. Только стал он с того времени еще угрюмее, еще молчаливее, стал заговариваться, говорить не дело. Раз как-то идут двое шахтеров по какой то боковой галлерее, слышат — будто кто-то говорит, либо плачет. Подошли — глядят сидит: Калина на земле, глаза безумные, руки протягивает, на что-то смотрит и эдак страшно шепчет:

— Уйди! Не боюсь я тебя! Лежи спокойно, никто не знает, что ты похоронена здесь. Я тебя убил, я тебя воскрешу когда будет нужно!

Да вдруг как захохочет, да как бросится бежать. Вечером его нашли мертвым, на дне шахты. Видно бросился сам. Тут все и узнали, что Калина сам убил свою жену. Искали ее, искали, да так и не нашли. С той поры и стал появляться в шахтах призрак белой женщины. И горе тому, кого встретит она. Помрет непременно, либо обвалом задавит, либо зальет водой, либо задохнется...

Иван громко расхохотался.

— Чего ты? — обиделся Чингарев.

— Да уж больно чудно мне, что взрослый человек такой чепухе верит! — ответил Иван. — Эдак и в бабу-ягу надо верить и в Кошея бессмертного!

Баба-яга — особая статья, а „белая женщина“ — тоже особая, — рассердился Чингарев.

— Да ты ее видел? — не отставал Иван,

— Не видел. А Митрий Суравцев...

— Видел?

— Не видел, а слышал! Вот посмотришь, какая-нибудь беда да случится.

И они заспорили, каждый доказывая свое.

Рябчик и Миша, не верившие ни в какие призраки, только посмеивались исподтишка, перемигиваясь и поглядывая на суеверного Чингарева.

Но самый рассказ, как сказка, был для них интересен, и ночью Рябчик видел „белую женщину“ во сне.

Белая женщина гонялась за ним, а он бегал от нее и показывал ей язык.

VI.

Мертвенно-тихо в недрах земли.

Миллионы лет хранят они в своих объятиях драгоценные пласты черного, блестящего минерала, называемого каменным углем.

В далекие, доисторические времена, когда менялся и вид земли, когда появлялись моря и снова исчезали, уступая место суше, когда гигантские папоротниковые леса, покрываясь илом, исчезали с поверхности земли, и над ними вырастали новые мощные пласты почвы, в этой гигантской лаборатории шло образование каменного угля.

Сплюсненные папоротниковые леса и илостные слои, при гигантском давлении верхних слоев, при отсутствии воздуха и при воздействии внутренней температуры земли, постепенно превращались в каменный уголь.

Долго люди не знали этого драгоценного минерала.

Но узнав — оценили его по достоинству, и каменный уголь дал человечеству множество полезных вещей.

Сотни тысяч паровозов и пароходов, фабрики, заводы, часть домов перешли на отопление каменным углем.

Кроме простого каменного угля, люди добывали антрацит — тот же каменный уголь, только содержащий более 90% углерода. Этот сорт угля образовывался в недрах земли путем более сильного давления верхних слоев, при более сильном нагревании.

Путем сильного накаливания каменного угля без доступа воздуха, люди стали выделять кокс и угольную смолу, из которой в свою очередь выделяются чудные каменноугольные краски всевозможных сортов и разные химические препараты, как то: аспирин, фенацетин, салициловый натр, эфирное масло с запахом ландыша, порошок ванилин и даже сахарин.

Рябчик прошел по четвертому штрейху и, приподняв брезентный клапан, прикрывавший вход в третью боковую галерею, юркнул в нее.

Ему надо было пройти во второй штрейх, а оттуда в один из забоев, куда отец послал его по делу.

Поясная лампочка тускло освещала галерею на несколько шагов.

Могильная тишина царила в этом месте.

Привычный к подземной жизни, Рябчик вступил в галерею, прикрыл за собою брезент и двинулся дальше.

Он прошел уже шагов сорок, как вдруг странный звук заставил его остановиться.

Словно кто-то тихо дышал с легким присвистом.

— Что бы это могло быть? — подумал Рябчик.

Он снял с пояса фонарь и, подняв его над головой, протянул вперед, зорко всматриваясь в темноту.

И вдруг ужас охватил все его существо.

Впереди себя он увидел что-то длинное, почти бесформенное, белое.

— „Белая женщина“.

Страшная мысль мелькнула в сознании.

Вне себя от страха, Рябчик поднял с земли большой кусок каменного угля и изо всей силы кинул его в привидение.

Но тяжелый кусок пронизал привидение, как пустое место, и слышно было, как он ударился о стену.

А белое привидение, тяжело дыша, продолжало тихо колыхаться и, казалось, медленно надвигалось на мальчика, постепенно как бы заполняя собой всю галерею.

— Кто здесь?! — крикнул Рябчик дрожащим голосом.

Молчание.

И только свистящие вздохи больной груди.

Еще мгновение — и Рябчик пустился бы бежать со всех ног, но здравый смысл заставил его взять себя в руки.

— Вздор! На свете нет привидений! А если бы это было что-нибудь живое и захотело убить меня, то все равно догонит! — подумал он.

И он смело сделал несколько шагов, вытянув вперед руку с лампой.

Что же это такое?

Словно клуб пара скрывал проход. И именно оттуда исходили странные звуки, похожие не то на вздохи, не то на стоны.

Рябчик сделал еще несколько шагов и ясно ощутил теплую сырость.

Он словно входил в облака.

Огонь в лампе горел ровно, не предвещая опасности, и только самое стекло покрылось налетом пара.

Страх совсем прошел. Теперь Рябчик чувствовал только любопытство к неведомому явлению. Странные звуки звучали явно. Теперь они походили на почти непрерывное шипение.

— Пар, — подумал Рябчик.

Да, это был действительно пар, выходящий неизвестно откуда и заполнявший постепенно галерею.

Только теперь Рябчик почувствовал, что ноги его шлепают по теплой воде.

Он быстро продвинулся вперед, почувствовал горячую атмосферу пара и кинулся назад, чтобы открыть брезент, прикрывавший вход в галерею.

Струя воздуха ворвалась в боковую галерею, рассеивая пар.

Рябчик снова поднял фонарь и двинулся вперед, внимательно поглядывая под ноги, на стены и потолок.

Ноги шлепали по почти горячей воде.

— Ага!

Вода во дворе стояла уже по пояс.

Из правой стены, сквозь щель образуемую брусьями, выбивалась струя пара и бежала вода.

Она была совсем горячая.

— Горячий родник!

О, это было страшнее всяких привидений!

Рябчик знал, что в недрах земли часто образуются большие водоемы, иногда целые подземные озера и реки, холодные и горячие, как кипятки.

На ум пришел случай, происшедший года три тому назад в шахте № 5.

Шахтеры прорывали штрейх.

Обыкновенно очень осторожные, чутко прислушивающиеся к шопоту подземного мира, они на этот раз не обратили внимания на странный шум, исходивший как бы из одной из стен штрейха.

И вдруг поток воды хлынул в коридор. Вопль ужаса пронесся под землей.

В одну минуту струя прорвавшийся воды превратилась в поток, быстро заливая галерею.

В ужасе шахтеры бросились бежать к выходу. Некоторые бросились к забоям, чтобы предупредить товарищей об опасности.

Во „дворе“, около подъемной машины столпились перепуганные люди.

А вода все прибывала и прибывала, заливая другие галереи и штрейха, вливаясь в забой.

Последней партии еле удалось спастись. Когда подъемная клеть спустилась за ними, вода во „дворе“ стояла уже по пояс.

В этот день, сделав поверку, шахтеры не досчитались девяти товарищей.

Они были залиты водой в дальних забоях и навеки погребены под землей.

Рудник был залит водой и заброшен, так как выкачать всю воду оказалось невозможным.

Девять семейств очутились без главных добытчиков, и не мало слез было пролито над затопленным рудником.

Этот случай с быстротою молнии пронесся в памяти Рябчика.

Скорей, скорей! Поднять тревогу, кричать, звать на помощь! Рябчик кинулся к штрейху.

— Вода! На помощь! — кричал он.

В темном штрейхе беспокойно задвигались огоньки лампочек, слышались испуганные голоса.

— Вода, вода!

Грозная весть летела по штрейхам и боковым галереям, достигала забоев, и со всех сторон к главной шахте стремились испуганные шахтеры.

— Где вода?! Сильна ли?

Некоторые прыгали в подъемную клеть и подымались на поверхность земли, другие, более хладнокровные и опытные, старались допытаться: где появилась вода и сильно ли бьет.

Кое-как разобрались в поднявшейся суматохе.

Когда Рябчик рассказал, в чем дело, несколько старых шахтеров и плотники, спустившиеся вместе с инженером и штейгером в шахту, осторожно направились в предательскую галерею, таща с собой брусья и необходимый инструмент.

Когда Рябчик привел их в третью боковую галерею четвертого штрейха, вода в ней поднялась на целую четверть.

Однако, опасность на этот раз оказалась не так велика. Горячий источник бил не сильно. Вмиг закипела работа с двух сторон опасного места, и скоро источник оказался заключенным между двумя крепкими деревянными стенками. Когда перегородки были окончены, к ним подвалили камни и глину, и скоро кусок боковой галереи оказался совершенно замурованным и безопасным.

Мишка погиб! завалило!

Тревога прошла.

Перепуганные шахтеры разошлись по местам, и в подземном царстве снова закипела работа.

VII.

Прошел год.

Рябчику уже исполнилось шестнадцать лет, мускулы его окрепли, и он заметно возмужал. Даже говорить стал как-то баском.

Теперь он уже сделался возчиком, то-есть, ходил с вагонеткой, запряженной лошаду.

Мишка остался откатчиком, и под землей приятели почти не виделись друг с другом.

Зато воскресные дни они почти всегда проводили вместе.

По праздникам, после обеда они часто ходили в город, посещали театры и читальни, любовались на Юзовский завод, где обжигался кокс и вырабатывалась каменноугольная смола.

Тут, над почерневшими от копоти заводскими постройками, возвышался целый лес массивных труб, вечно курящихся, никогда не остывавших.

Там, за стенами завода, в огромных каменных корпусах, в продолжение шести дней в неделю, с грохотом и свистом вращались тяжелые маховики, двигались поршни, вертелись колеса, разной величины; там человек, поработивший пар и электричество, управлял их силой, заставляя то двигаться, то останавливаться чудовищные машины.

Слабая рука, направляемая мозгом, как бы шутя управляла силами природы.

Воскресные дни были днями величайших радостей для мальчиков.

Иногда в рабочем клубе устраивались вечеринки, на которых молодежь плясала до упаду, бывали случаи, когда парни и девочки сбивались в компании и отправлялись куда-нибудь в поле, захватив провизию, и там проводили весь день.

После таких дней было тяжело спускаться в шахты.

Но жизнь ставила свои требования, и им надо было покоряться.

В один из ~~таких~~ послепраздничных дней Рябчик, спустившись в шахту вместе с Мишкой, направился к третьему штрейху.

Итти им было по пути.

Надо было пройти одной из боковых галлерей во второй штрейх, а оттуда снова по другой боковой — в третий.

Освещая путь лампочкой, мальчики подвигались вперед, разговаривая друг с другом и вспоминая о вчерашних удовольствиях.

Из главного штрейха прошли в боковую, оттуда во второй штрейх и, наконец, вошли в другую боковую.

Эта была одна из давно заброшенных боковых галлерей, по которой шахтеры даже избегали ходить, а если и ходили, то только для сокращения пути и с большой опаской.

Многие подпорки тут покосились, потолочные брусья осели и грозили падением. Пол был покрыт кучами осыпавшейся земли, и надо было итти очень осторожно, чтобы не споткнуться.

Мишка шел впереди.

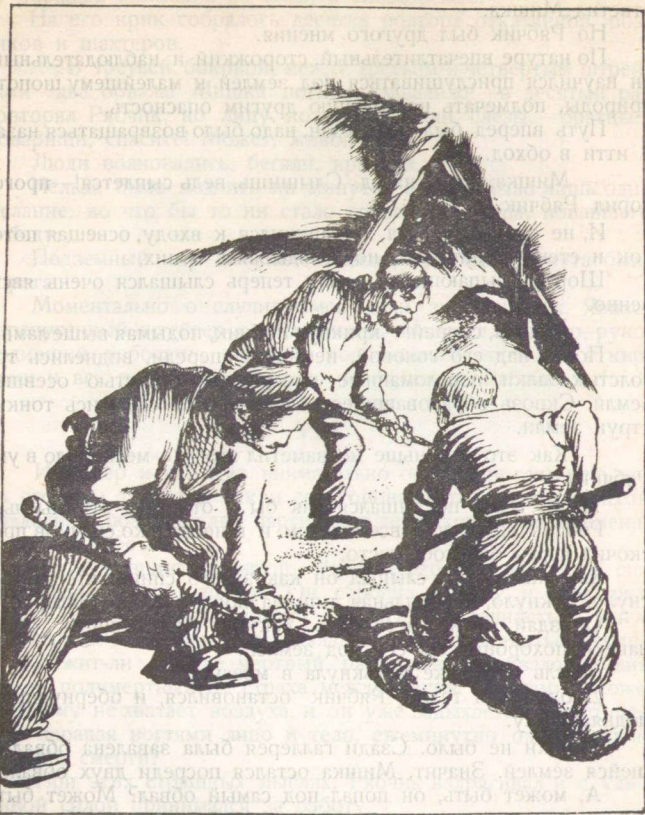
Они уже прошли половину галлерей, как вдруг Мишка остановился.

— Обвал, — проговорил он тревожно.

Рябчик подошел ближе.

Дальнейший путь был прегражден. Повидимому, потолок в этом месте не выдержал, и рухнувшей землей завалило часть галлерей.

Еще накануне праздника ничего этого не было.

Налегай, братцы!

На несколько минут воцарилось глухое молчание.

Но вот чуткое ухо Рябчика уловило странный звук.

Это был какой-то шелест, словно что-то осыпалось.

Рябчик насторожился.

Отец не раз говорил ему про этот предательский шелест. Вероятно, где-нибудь треснул потолочный брус, и земля осыпалась сквозь образовавшуюся щель.

— Слышишь, Мишка?—прошептал Рябчик.

— Пустое! Сыплется, ну и пусть себе сыплется,—беспечно ответил Мишка.

Но Рябчик был другого мнения.

По натуре впечатлительный, сторожкий и наблюдательный, он научился прислушиваться под землей к малейшему шопоту природы, подмечать незаметную другим опасность.

Путь вперед был перерезан, надо было возвращаться назад и идти в обход.

— Мишка, идем назад. Слышишь, ведь сыплется!—проговорил Рябчик.

И, не ожидая ответа, он двинулся к входу, освещая потолок и стены и внимательно вглядываясь в них,

Шорох осыпающейся земли теперь слышался очень явственно.

— Мишка, скорей!—крикнул Рябчик, подымая выше лампу.

Почти над его головой, немного впереди, виднелись три толстых балки, переломанные посередине тяжестью осевшей земли. Сквозь образовавшиеся щели теперь сыпались тонкие струи земли.

— Как это я раньше не заметил этого?—мелькнуло в уме Рябчика.

Тихий треск послышался как бы в ответ на эту мысль.

Рябчик вздрогнул всем телом и в несколько скачков проскочил через опасное место.

Как сквозь сон слышал он как за его спиной что то треснуло, гукнуло, и могильная тишина воцарилась в галлерее.

Опоздай он на несколько секунд—и страшный обвал навеки похоронил бы его под землей.

Мысль о Мишке мелькнула в мозгу.

Дрожа всем телом, Рябчик остановился, и обернувшись, поднял лампу.

Мишки не было. Сзади галлерей была завалена обвалившейся землей. Значит, Мишка остался посреди двух обвалов.

А, может быть, он попал под самый обвал? Может быть, теперь уже завалилось и то пространство, где они оба стояли за минуту перед этим?

Недра земли хранили угрюмое молчание.

Им не было дела до людских страданий.

Рябчик растерялся, но не надолго. Он вспомнил, что у него нет инструмента и что опасность далеко еще не миновала. Забытая галлерей могла завалиться вся, обвал мог ежеминутно произойти и в других местах.

Только с помощью многих людей можно было помочь беде.

Рябчик бросился бежать.

По временам он спотыкался, падал, но снова подымался, не обращая внимания на боль, и снова бежал.

На его крик собралось десятка полтора откатчиков, возчиков и шахтеров.

— В третьей боковой, между третьим и четвертым штрейхами — два обвала! Мишка погиб... Завалило! — в десятый раз повторял Рябчик, по лицу которого текли слезы. — Братцы... Товарищи, спасите! Может, живой еще!

Люди волновались, бегали, кричали.

Нельзя было медлить ни минуты. У всех было лишь одно желание: во что бы то ни стало спасти товарища, попавшего в беду.

Подземный мир не знал пощады, и каждая минута была дорога.

Моментально о случившемся дали знать наверх. Явился перепуганный штейгер с плотниками, подоспел инженер, руководивший работами, шахтеры вооружились лопатами и кирками и, вся партия направилась по указанию Рябчика.

VIII.

Инженер и штейгер внимательно осмотрели галерею как со стороны третьего, так и со стороны четвертого штрейхов, разделили людей на две партии, и с двух сторон одновременно закипела работа.

Вооружившись лопатой, Рябчик работал изо всех сил. Пот капал с него градом. Он сбросил куртку и продолжал кидать землю. Каждая минута казалась ему вечностью, мысль о товарище жгла мозг, заставляла болезненно сжиматься сердце.

Лежит-ли он уже мертвый, раздавленный обвалом, сидит-ли он полумертвый от страха между двумя обвалами? Может быть-ему не хватает воздуха, и он уже задыхается, в иступлении царапая ногтями лицо и тело, ежеминутно ожидая мучительной смерти?

При этих страшных мыслях, Рябчик вздрагивал и с удвоенной силой принимался за работу.

Подгонять никого не приходилось.

Сознавая важность каждой минуты, люди работали не щадя сил.

По мере того, как галерея очищалась от земли, плотники укрепляли брусьями стены и подводили потолки. В темной галерее, тускло освещенной шахтерскими лампочками, слышалось учащенное дыхание работающих людей и стук топоров.

И все же всем казалось, что время тянется мучительно медленно.

По временам Рябчик приостанавливался.

Мишка! Мишка! Слышишь ли ты?! — громко кричал он.

Но в ответ не слышалось ни звука.

Прошел час, другой, третий, а люди все продолжали работать.

Но вот, когда в десятый раз Рябчик громко окрикнул товарища, из-за завала послышался слабый, заглушенный звук человеческого голоса.

— Жив! Это он! — вне себя от радости крикнул Рябчик.

— Жив, жив! Налегай, братцы! — загудели голоса.

Человек боролся с мертвой природой.

И эти маленькие людишки, казавшиеся крошечными червячками в подземной глубине, преодолевали теперь давление миллионов пудов земли, прокладывая пути в темных недрах.

Жизнь боролась со смертью.

Миша! Мишка! — кричал по временам Рябчик.

Теперь в ответ уже ясно слышался заглушенный земляной стеной голос Мишки.

Новые и новые усилия!

Лопата одного из шахтеров врезалась в землю, плотники подвели под потолок новый брус, и в земляном валу показалось отверстие.

Мишка!

Я здесь, не бойтесь! — ответил голос.

Сердце Рябчика забилося так сильно, что он даже схватился рукой за грудь.

На глазах помимо воли навернулись слезы.

Дыра быстро увеличивалась. Но лезть в нее было опасно. Земля могла снова завалиться и погубить смельчака.

И только спустя полчаса, Мишка, бледный как мертвец, вышел из своего заточения и бросился на шею Рябчику.

Почти одновременно был прорыв и второй обвал.

Довольные счастливым исходом дела, рабочие разошлись по местам, забив предварительно наглухо входы в опасную галерею.

IX.

Чай, страху натерпелся? — спрашивал Мишку Рябчик, сидя вечером дома за самоваром.

Иван ушел в гости, и друзья чаевничали вдвоем.

У Мишки при воспоминании о пережитом точно мороз пробежал по спине.

— И не говори! Сроду ничего подобного не переживал, — заговорил он взволнованно. — Ну, словно в могиле! Ведь я ду-

мал—тебя придавило. Я и сообразил—коли тебя задавило, так про меня никто и не узнает.—Значит—крышка. Уж я плакал, плакал, все глаза выплакал.

— Эх, ты!

— Да, брат! А тут еще духота! Лампа тусклее гореть стала. Взял я да потушил ее, чтобы воздуху мне больше осталось. Сижу и к смерти готовлюсь. Вот, думаю, пройдет несколько часов, я и задохнусь. Да что там говорить! Плохо, брат, живому в гробу лежать!

Друзья чаевничали вдвоем.

Он на минуту умолк и вдруг, стукнув кулаком по столу, проговорил:

— Баста!

— Чего баста?—переспросил Рябчик.

— Не пойду больше в шахту. Боюсь я,—произнес Мишка.

Оба замолчали.

— Завтра возьму расчет и уеду,—первый прервал молчание Мишка.

— Куда?—тихо спросил Рябчик.

Мишка задумчиво посмотрел на товарища.

— Куда? Не знаю. Хоть в Харьков поеду, хоть дальше,—ответил он.—Для работы место найдется.

Он оживился.

Ему радостно было думать, что теперь он начнет новую жизнь, среди солнечного блеска, покинет жуткий мрак подземного мира.

В воображении рисовались такие заманчивые, красивые картины, полные красок, света и радостей.

Рябчик грустно слушал его.

Нет, ему не удастся последовать примеру товарища...

Он останется тут, в этом закоптелом поселке, он не покинет темные недра земли.

Что готовят они ему? Счастье или смерть?

Отец его здесь, и он останется с отцом. Кто знает, может быть, современем он добьется того, что сделается штейгером? Тогда жизнь его пойдет, как по маслу.

Недаром же он ходит второй год на вечерние курсы, где по успехам идет одним из первых.

Друзья не замечали, как летело за разговором время.

И только, когда часов в десять вернулся домой Иван, Мишка простился со своим другом и побрел во-свояси.

X.

Прошло несколько лет.

Кто знал раньше Рябчика—не узнал бы его теперь.

Он окреп, возмужал, на верхней губе появились вьющиеся усы, походка стала степенной, как у человека, знающего себе цену.

За эти годы он успел поработать и в качестве забойщика, умел обращаться со шнурами и с новинкой шахт—врубовой машиной.

Эти врубовые машины, состоявшие из широкой металлической, бесконечной, как колесо, ленты, усеянной крепкими стальными зубьями, устанавливаемые в забоях и приводимые в движение электричеством, постепенно вытесняли тяжелый труд забойщиков.

Рябчика считали прекрасным шахтером, знатоком дела и кандидатом на первую вакансию штейгера.

— Вырастил таки сына!—с гордостью говорил часто Иван.

Рябчика уже не называли по прозвищу.

Теперь он был для всех—Семен Иванович, и часто к нему обращались за советами.

И он охотно давал их, сознавая, что знает больше других.

Он был молод, но уже знал себе цену.

Пров. 1968

198429

Наименование
документа
и дата
"ЛЕНИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

-752.

W/96

